

Ли́на Е́ль

A romantic illustration of a man and a woman in a dark, purple-toned setting. The woman has long, dark, flowing hair and is wearing a dark, off-the-shoulder dress. The man has long, dark, wavy hair and is wearing a dark shirt with a glowing, ornate necklace. They are embracing and about to kiss. In the background, there are purple flowers, a full moon, and a silhouette of a castle tower.

НЕКРОМАНТКА
ПО-СОСЕДСТВУ

18+

Лина Ель

Некромантка по-соседству

«Автор»

2026

Ель Л.

Некромантка по-соседству / Л. Ель — «Автор», 2026

Я — некромантка. Я не боюсь мёртвых, не боюсь крови и не боюсь одиночества. Я боюсь только одного: что однажды слишком близко подпущу к себе того, кто предстанет не тем, кем кажется. И, похоже, это уже происходит.

© Ель Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Лина Ель

Некромантка по-соседству

Глава 1

Я просыпаюсь от какого-то шума. Тянусь, поправляю ночнушку и встаю. Пол немного скрипит под моим весом, и чувствую ногами его прохладу. Вслепую нахожу тапочки и обуваю их. Вроде всё как обычно, но в душе почему-то тревожно. Свеча на моём столе уже догорает. Я подхожу к тумбочке и гашу её.

— Надо быть внимательнее. Пришла после экзамена домой и сразу завалилась спать. Так и дом спалить недолго. Зачем только зажигала её, если знала, чем всё закончится?

Закатываю глаза, понимая, что опять говорю сама с собой. После пробуждения чувствую себя плохо. Будто кто-то сдавливает голову. Ужас. На первом этаже снова что-то громыхает. Подхожу к двери, нужно спросить у бабушки, что у него случилось. Как только тянусь к ручке, весь дом за секунду пропитывает странная энергия. Такое чувство в доме возникает всегда, когда приходят души умерших. Но сейчас что-то не так. К привычным колебаниям маны добавился запах. Моя протянутая рука застывает в воздухе.

Вдохнув носом больше воздуха, я понимаю, что это лаванда. Всё, что происходит, теперь не похоже на колебания. Стены вокруг меня буквально дрожат, заставляя нервничать. С каждой секундой сердце пропускает всё больше ударов, пульс учащается. Я с самого рождения контактирую с душами, так что же происходит сейчас?

Мне нужно проверить, нужна ли моя помощь, но ноги не слушаются. Появилось чувство, будто кто-то берёт меня за горло, впиваясь длинными острыми ногтями в кожу. Но в комнате, кроме меня, нет никого. Осознание этого заставляет меня сглотнуть, а глаза — начать увлажняться. Боль в горле становится всё сильнее. Я смотрю на руки, пытаюсь взять контроль над телом. Они трясутся так, будто я стою напротив дикого зверя, готовящегося вцепиться своими зубами в моё брюхо и разорвать мои внутренние органы. Мне срочно нужно с этим что-то сделать. Всё, что я могу, — повернуть голову и посмотреть в зеркало. Во мне ничего не изменилось. Те же чёрные, как уголь, волосы. Аккуратный нос, пухлые губы, выраженные скулы. Те же фиолетовые глаза с длинными ресницами. Только сейчас в них я не вижу ничего, кроме страха.

В отчаянных попытках вернуть себе здравый рассудок я прикусываю губу до крови. Рот наполняется тёплым вкусом металла. Он и отрезвляет меня. Краем уха я улавливаю знакомый голос снизу. Конкретные слова мне услышать не удаётся. Но вот настроение гостя считываю сразу. Говорит женщина. И явно очень недовольная.

Я запускаю руку в карман и вынимаю свой стилет. Он уже привычно ложится в мою руку. Я быстро снимаю предохранитель, нажимаю на кнопку, и лезвие тут же извлекается. Выцарапанные на холодной стали руны тускло светятся зелёным. В тон его основания. Мой взгляд снова падает на руки. Они обе покрыты многочисленными шрамами. Большинство уже белые, но пара десятков штук всё ещё не зажило. Я выдыхаю и делаю на запястье левой руки порез. Светло-красная кровь стекает на пол. Я опускаюсь на корточки и обмазываю указательный палец.

На полу рисую круг и в его центре руну, которую у нас называют кларитас. Она означает ясность. В эту же секунду тело начинает меня слушаться. Я встаю и облизываю сталь. Протирать каждый раз надоедает, поэтому кровь всегда убираю таким способом. Одним пальцем поворачиваю bolster и убираю лезвие. Закидываю нож обратно в карман и рывком открываю дверь. Спешно сбегая по лестнице, чуть не покатавшись кубарем. Помогло лишь то, что успеваю ухватиться за перила. Добежав до гостиной, я вижу силуэт души. Она стоит спиной,

поэтому всё, что я запоминаю, — её голубые волосы, на концах переходящие в малиновый. Перед тем как полностью раствориться, она шепчет.

— Волчонок должен научиться жить без меня.

Миг — её нет. Только запах озона, смерти и лаванды. В комнате теперь только я, дедушка Демиан и наша кошка Окулус. Двое последних очень напуганы. Окулус поджимает хвост и уши, превращается в чёрный дым и возвращается в костяную флейту, ожерелье дедушки. Он, в свою очередь, вжимается ногтями в деревянный стул, оставляя вмятины на подлокотниках. Даже на расстоянии я слышу, как громко бьётся его сердце.

— Дедушка, что произошло?

Его распахнутые глаза мечутся по комнате, словно что-то ища. Не найдя это что-то, он успокаивается и смотрит мне в глаза. Спешно подходит ко мне и обнимает. Так крепко, что в рёбрах начинает отдавать болью.

— Селена, она тебя не ранила?

— Нет. Как душа может кому-то навредить физически?

Я отвечаю больше на автомате, хотя всё ещё ощущаю покалывание в области горла.

— Знаю. Знаю. Так быть не должно.

Он берёт моё лицо в свои руки. Страх в его глазах никуда не делся. А голос надрывается.

— Она... Я почувствовал, как она коснулась моего сердца.

Руна кларитас ещё действовала. Это единственная причина, почему я остаюсь спокойно стоять на месте. Я провожу дедушку до его комнаты, укладываю на кровать и приношу стакан воды.

— Что она попросила сделать для упокоения?

— Ничего. Она пришла защитить своё дитя. Мы... Мы взяли кровь её сына. И она пришла показать, что с нами будет. Если мы используем его кровь во вред. Либо если будем плохо о нём отзываться.

— Но как ты смог осязать её? Тебе точно не показалось? Просто сильно испугался и всё.

— Не знаю, Сели. Не знаю. Думаю, всё дело в ней. В Эвелине Рэйн.

Никогда не слышала этого имени, но по коже пробегают мурашки.

— Кто она? Может, не душа, а кто-то из других существ?

Я говорю это, сама не веря. Я никогда бы ни с чем не спутала колебания маны при переходе душ. Да и своими глазами же видела, как та растворялась. Но при этих мыслях становится наоборот хуже. Призрак, который смог коснуться. Что же будет, если она разозлится? Бестелесный противник, который за мгновение может лишить жизни. Нет и надежды на успех. И пострадают не только некроманты, а всё живое.

— Нет, дитя. Спросим позже в Совете у Окулус. А пока можешь взять флакон с кровью её сына в сундуке. Там лишь ничтожная часть её магии. Но ты сразу всё поймёшь. Она была аулитом.

Я сую руку в карман и касаюсь стилета. Небольшой холод придаёт мне уверенности, но нервы всё равно съедают меня изнутри. Каким образом связаны магия женщины и кровь её сына? При смерти аулита умирает и его магия. Оказавшись перед сундуком, я затаиваю дыхание. Беру из другого кармана бутылёк с бычьей кровью. Черчу на лбу руну защиты — протектио. Вокруг тела начинает искрить моя фиолетовая магия. Я выдыхаю, стискиваю зубы и открываю замок. Даже не прикасаясь к флакону, я чувствую чужую ауру. Всё тело обдаёт жаром. На лице начинает проступать пот, пока я рассматриваю причину угроз нашего гостя.

И всё же не могу понять, почему я и правда чувствую в крови не только ману, но и магию? Я решила. Мне нужно использовать её. Подчинить. Хочу, чтобы существо с такой силой склонилось передо мной. Я даже начинаю представлять. Всё вокруг погружается во мрак. Передо мной появляется лестница, полностью покрытая липкой красной жидкостью.

Я поднимаюсь по ней и вижу трон. Сделан он из костей. Я часто с ними работаю, поэтому сразу понимаю, что они человеческие. С подлокотников на меня смотрят черепа. Во мне нет страха, поэтому я шагаю ещё ближе под неприятные хлюпающие звуки. Замечаю подушку, сшитую в дизайне гжель. Это сильно меня удивляет, но я всё же сажусь на неё. Она явно не подходит под интерьер. Вокруг начинает собираться тёмно-красная магия. Она словно трётся об меня. И это так приятно. Она обвивает мою руку и улетает вниз по лестнице.

Возвращается она не одна. Магия принимает форму ошейника и буквально затаскивает кого-то ко мне. Человек в чёрной мантии цепляется за последнюю ступеньку, будто это его последний шанс выжить. Но магия оказывается сильнее. Несколько ногтей подчинённого с корнем вырывает, когда ошейник кидает тело к моим ногам. Его крики и кровь на полу, которая начинает смешиваться со слезами, заставляют меня невольно улыбнуться. Я едва успеваю подумать о плети, как магия из ошейника превращается в неё и ложится мне в руку. Взмах — всё вокруг тонет в крике. Мантия на его спине слегка рвётся. Надорванный голос молит о пощаде.

Я встаю со своего места и подхожу к человеку. Беру его за подбородок. Хочу посмотреть на то, как в глазах этого существа появляется осознание конца. Капюшон спадает, открывая вид на лицо. Моё сердце сжимается, а я падаю и ползу назад. Жидкость с пола впитывается в мою одежду. Теперь я точно знаю, насколько она липкая. На лицо падает прядь моих волос. Голубо-малиновая прядь. С каждого угла этого места разносится звонкий смех. У того пленника моё лицо.

Руна на моём лбу приобретает оттенок моей магии и проникает в мой мозг. Стою, не дыша, несколько секунд, руки мои подрагивают, а в голове появляется ясность. Я снова в доме. Вокруг витает фиолетовая сила, полностью окутывая. Руки сами кладут флакон обратно. Это заняло лишь мгновение. Закрываю сундук и приношу молитву Богине Смерти. Что это было? Я всегда понимала, что не самая добрая. Но мыслей издеваться над кем-то у меня никогда не возникало. Да и почему в конце я представила себя? Это явно как-то связано с ней. Кто же такая эта Эвелина Рэйн? И как её не прогневать?

Я дохожу до комнаты, постоянно озираясь. Не осталось даже намёка на присутствие. Через плечо смотрю в комнату дедушки. Он пишет письма. Созывает совет. Скелет кондора послушно ждёт, попеременно постукивая когтями по столу. Дедуля стал выглядеть ещё старше. К глубоким морщинам, седым волосам и короткой седой бороде добавились синяки под глазами. Образ старика дополняют тёмные глаза и бледная кожа. Пока он привязывает письма к рёбрам птицы, его руки трясутся. Нечасто дедулю можно увидеть таким встревоженным. Ему сейчас надо всё хорошенько обдумать. Поэтому я просто захожу в комнату и запираюсь.

Если бы та женщина хотела навредить, значит, так и сделала бы. Она ведь даже выдвинула свои условия. Нужно лишь соблюдать. Ладонь пронизывает боль, на ней остаются небольшие ямки от впившихся ногтей. При одной мысли о том, что моей семье что-то угрожает, в груди появляется чувство пустоты и поднимается жар.

На лице появляется ухмылка, а ноги подкашиваются. Запал-то есть, а вот как защитить эту самую семью... Хотя, если она была аулитом, то и сына её я не знаю. Не любят они общаться с некромантами. Так что навредить ему могу только через кровь. А этого я делать точно не буду. Моё тело до сих пор слишком явно ощущает то, что произошло в гостиной.

Сажусь на кровать и беру книгу. Может, хоть так успокоюсь? Но, не прочитав даже 10 страниц, я понимаю, что это не поможет. Думать про то, что случилось, нет никакого смысла. Окулус слишком напугана, поэтому точно не выйдет из флейты. А без неё нам ничего не узнать. Я захотела прилечь, но, когда спина касается постели, появляется внезапная боль. Подскакиваю и встаю перед зеркалом.

Где-то далеко проскакивает мысль, но также быстро пропадает. Это ведь бред, ведь так. Этого же не может быть правдой? Трясущимися руками стягиваю майку и замечаю свежий

след, проходящий через всю спину. Края раны остались рваными, а вокруг чувствуются сильные отёки, появились синяки. Вдох, выдох.

Очевидно, это появилось после того видения. Ещё более очевидно, что от кнута. Одевшись обратно, ложусь на живот. Ладно, обсужу это на Совете. В колледже попрошу кого-нибудь приготовить лекарство и обработать рану. Дедушку я не хочу ещё и этим сейчас нагружать.

Так, колледж. Надо готовиться к следующим экзаменам. Может же это отвлечь меня от терзающих меня мыслей? Остался только один. По воскрешению. В голове всплывает образ учителя. Перси Айлан. Да, вот он точно поможет мне не думать. Сама не замечаю, как закусываю губу, вспоминая его. Высокий, крепкий, с выраженными скулами. Бордовые волосы, нос с горбинкой. Карие глаза, которые я назвала бы чёрными. Такой красивый, но строгий. А ещё ему 20. Всего на два года старше. Угрозы угрозами, а его харизма явно волнует меня больше. Понимая абсурдность положения, я даже хихикаю про себя.

Точно, надо рассказать Соланж о том, что произошло сегодня на консультации. Какие же мои одноклассники глупцы, раз не пришли! Он-то точно это запомнит. И никаких поблажек после такого не даст. Одни мы с Солой избежим такой участи. Я — потому что пришла. Она — потому что я придумала ей отмазку.

Так и засыпаю, представляя себя в объятиях учителя. Снится мне тоже он. Сидит в своём кабинете. Одет как всегда. Брюки, туфли, рубашка, у которой расстёгнуто несколько верхних пуговиц. Всё чёрное. Он осматривает меня с ног до головы, облизывая губы. Из-за этого я опускаю голову и осматриваю себя. Блин, я же в ночнушке. Коротенькие шортики с кружевом снизу и такая же кружевная майка на тонких бретельках.

Перси манит меня пальцем, а я, как послушная девочка, тянусь к нему. Он кладёт руку мне на талию и аккуратно сажает к себе на колени. Я охаю, подношу свои губы к его уху. Выдыхаю, заставляя мурашек пробежать по его телу. И кусаю. Слишком самоуверенно он со мной флиртует. Нет уж, пусть побежит за мной для начала. Подмигиваю ему и бегу по коридору.

Его поспешные шаги глухо отдаются по стенам, поэтому темп я не сбавляю. Спустя минуту я смотрю назад. Никого нет, да и больше я ничего не слышу. Теперь я иду спокойно, рассматривая своё окружение. Стены, оказывается, все разрисованные. Есть мифические существа, но в основном обычные животные. Чаще всего можно увидеть барса и волка. Чем дальше я иду вперёд, тем больше начинает появляться и красный заяц с голубыми глазами. Как ни странно, он их не боится, а наоборот, даже ластится.

Через несколько шагов появляется запах. Лаванда. Руки начинают подрагивать, вспоминая сегодняшние встречи с тем, от кого пахло так же. И тут появляется осознание, что с собой у меня нет даже стилета. Только об этом подумала, как вдали появляется стол. На нём лежит мой нож, с нежно светящимися рунами. Ноги сами подбегают к нему. Беру его в руки, и из тела сразу уходит напряжение.

Это же мой сон. Тут я главная. И правила диктовать мне. Но на столе лежит ещё что-то. Письмо. Чёрной пастой на белоснежном конверте нарисован барс. Я вскрываю его. Там лежит всего один лист. «Прости, я не хотела тебя сильно напугать. Я лишь боюсь за своего сына. Ты не должна была пострадать». Снизу нарисовано сердечко. Надеюсь, она серьёзно не хочет никого ранить. А не просто чертовски сильная сумасшедшая душа. Но второе предположение кажется мне более похожим на правду.

Резко чужая ладонь неприятно сжимает моё плечо. Всё же она не добрая? Сердце пропускает удар. Меня разворачивают и сажают на стол. Я смотрю на лицо человека, напугавшего меня. Как же я рада, что это Перси. Я открываю рот, чтобы вылить на него поток ругательств. А он берёт и целует меня. Сжимает мои бёдра, а наши языки переплетаются. К нижней части живота прилила кровь, заставляя почувствовать разливающееся тепло.

И тут я открываю глаза и вновь оказываюсь в своей комнате. Окулус прыгает на моей грудной клетке. Она такая тяжёлая, что я всерьёз думаю над тем, чтобы перестать её кормить.

Вроде туман, а весит больше сенбернара. Кошка облизывает мою щёку и озадаченно поворачивает голову. Я прикасаюсь к щеке и чувствую горячую кожу. Целовалась во сне, а стыдно в реальности. Окулус щекочет мой нос хвостом и уходит в другую комнату.

Глава 2

Поднявшись с кровати, я подхожу к окну. Солнце уже встаёт, а это значит, что уже скоро я должна встретиться с Соланж. Нащупываю на спинке стула спортивный костюм, надеваю его и бегу к выходу. По пути встречаю дедушку. Он спокоен, значит, всё хорошо. Мой взгляд падает на пол. Там я обнаруживаю пятнышко крови. Видимо, тоже призывал кларитас. Надо будет вечером получше помыть пол.

— Дедуля, доброе утро. Мне надо бежать, сегодня с Соланж будем практиковаться в воскрешении. Буду поздно.

— Доброе, Сели. Не перенапрягайтесь там.

Дедушка подходит и засовывает несколько флаконов крови мне в карман.

— Мы хотели своей пользоваться сегодня. На экзамене нельзя будет другую использовать.

— Вот на экзамене и будешь свою брать. Знаю я вас, сразу в лес пойдёте. Ещё подцепите что-нибудь. Никаких отговорок не приемлю.

Я закатываю глаза, но дальше не препираюсь. На опыте знаю, что ничего не поможет.

— Хорошо. Когда будет Совет? Мне тоже есть что рассказать.

Дедушка сжимает челюсти и отвечает сквозь зубы.

— Ты её успела увидеть? Или она приходила после?

— Ну как сказать. Фактически сюда она не приходила. Но я её видела. Потом она оставила в моём сне письмо. Извинялась, сказала, что просто боится за сына. Но зла не желает.

Лицо моего собеседника сразу расслабляется, он выдыхает и садится в кресло. А я обуюсь и открываю дверь.

— Сегодня ночью приходи в храм. Расскажешь подробности всем.

Я ничего не отвечаю, захлопываю дверь и иду в конюшню. Подхожу к дальнему деннику и вывожу своего Криада. Когда-то он был вороным фризом. Сейчас остался только скелет. Я хмыкаю, вспоминая, что даже смерть не исправила его бойкий характер. Он будто читает мои мысли, фыркает, задирает голову и отворачивается.

Я достаю вчерашний флакон, в котором осталось немного бычьей крови. Поворачиваю морду коня к себе и измазываю весь его череп. Жидкость моментально впитывается, а Криад прижимается к моей ладони. Немного надоело каждый день этим заниматься, но я не хочу прощаться с ним. Не делай я этого, его кости бы уже давно рассыпались. Седлаю его, запрыгиваю сверху, и мы мчимся в Лес Смерти.

Криад несётся по дороге так, будто я не выпускала его месяц. А я, между прочим, каждый день езжу из-за его прихотей. Я мысленно показала ему дорогу через магическую связь, поэтому могу расслабиться. Тёплый ветер приятно касается моей кожи. Волосы развеваются, вокруг поют птицы. Пока сердце наполняется в последнее время забытым спокойствием, раскидываю руки в стороны и касаюсь листьев вокруг. Сквозь упавшие на лицо волосы я замечаю упавшее дерево, придётся прыгать. На прыжке я подаюсь вперёд, помогая коню преодолеть препятствие. Как ни странно, каждое его движение остаётся плавным, что бы мы ни делали. Я снова обмазываю палец кровью и втираю. Думаю, для воскрешенных это что-то вроде пищи, поэтому иногда поощряю его во время езды. Интересно, можно ли назвать их вампирами? В голове всплывает образ одного знакомого вампирёнка. Да, Айзен бы точно закатил глаза, если бы услышал мой вопрос. Уголки моих губ ползут вверх. Когда-нибудь навещу его остров ещё раз. Спустя 20 минут мы останавливаемся на поляне.

Соланж уже ждёт меня. Я спрыгиваю с коня и отпускаю. Он немного поднимает хвост и подходит к кобыле Соланж — Аише. Она тоже воскрешенная, но выглядит по-другому. Она бы ничем не отличалась от живой, если бы не несколько дыр на боках и свисающая кожа на морде.

Зато у неё остался мягкий нос и губы, которые я обожаю. А ещё Аиша очень любвеобильная. Постоянно ходит за Соланж по пятам и тычется мордой ей в плечо. Мы передаём животным по связи, что они пока нам не нужны, как только Криад подходит к кобыле. Поэтому они бегут развлекаться вдвоём вглубь леса.

Иногда я завидую Соланж, потому что Аиша такая добрая, в отличие от моего Криада. А потом во рту появляется горечь от таких мыслей. Никогда. Ни за что не променяю своего коня на другого. Он хоть не идеальный, но мой. Да, когда он не в духе, наступает мне на ноги и канючит. Бегаёт куда взбредёт, но очень верный. Когда был живой, никогда не убегал без меня, даже если боялся. А ещё не даёт никому, кроме меня, на него садиться. Ну, только если я сама его не попрошу кого-то слушаться в моё отсутствие. Это мне льстит. Вдалеке слышится горделивое ржание. Точно, он у меня ещё и нарцисс. Некроманты сами не знают почему, но очень привязанные воскрешенные питомцы ощущают, когда о них думаешь. И что конкретно, видимо, тоже. Моя красotka делает вид, что зевает, лишь бы я обратила на неё внимание.

— Привет, Соли. Как спалось вчера вместо консультации? Принцесса не сильно напряглась, когда ехала сюда?

Она хихикает и отрицательно машет руками, а я треплю её по голове. Её льняные волосы красиво переливаются под лучами солнца, пробивающимися сквозь кроны деревьев. В голубых глазах играют искры радости, а кукольный нос с веснушками забавно морщится, когда слепит солнце. Кончики моих пальцев аккуратно касаются её кожи, повторяя очертания шрамов на лбу и щеке. Гортань начинает покалывать, а сердце будто царапают когтями, заставляя ошмётки мышцы разлетаться в стороны. К глазам подступают слёзы, и я шепчу:

— Прости меня. Прости.

Соланж лишь пожимает плечами и смахивает с моей щеки одинокую слезу.

— Сели, посмотри мне в глаза.

Я слушаюсь и перевожу взгляд на неё.

— Я тебе уже миллион раз говорила, что ты ни в чём не виновата. Я сама согласилась пойти с тобой в лес тогда. И если бы ты не усыпила медведя, то я бы не стояла здесь сейчас, всего лишь с несколькими шрамами. Даже оба глаза на месте. Мы обе были глупыми девочками. — проскальзывает усмешка. — Да и вообще, я осталась в плюсе. Знаешь, сколько мне всего подарили, чтобы я не расстраивалась.

Подруга подмигнула, отчего душа немного успокоилась. Но каждый раз, когда я вижу шрамы на её восхитительном лице, я будто падаю в пропасть. Перед глазами всплывает картина, как она, маленькая, свернулась калачиком на земле и кричит от боли, срывая голосовые связки. А всё лицо залито кровью. Я даже не хочу думать о том, как бы всё закончилось, если бы дедушка не обучал меня заранее магии.

— Так, где моя дерзкая Селена? Взяла себя в руки и пошла со мной искать тела.

Уголки моих губ поднимаются, а я выдыхаю, беру Соли за руку и тяну в лес. Мы бродим по лесным тропинкам уже около получаса, но пока нашли только несколько тел, уже перешедших в стадию минерализации.

— Блин, солнце, может, уже попробуем на тех тренироваться? Вдруг вообще никакое животное тут недавно не умирало? Давай вернёмся. — Мой голос звучит как-то устало и печально. Раздражает слоняться просто так. Журчит ручей, вокруг поют птицы. Атмосфера вокруг должна успокаивать, а выходит наоборот.

— Мне, конечно, нравится твой настрой, но в себя я не так верю. Попробовать-то можно, но я очень сомневаюсь, что получится.

— Зачем и откуда вообще в колледже так много экземпляров для студентов? Выделили бы для практики немного.

— Ну, Перси говорил, что многие приносят для нашего обучения своих умерших домашних животных. Да и очень часто студентам приходится поднимать бабочек. Их разводит для

университета мисс Кэрри. Живут они недолго, поэтому для нас — самое то. А давать нам тела для практики не лучшая идея. Мы должны уметь находить тела сами.

Я останавливаюсь и удивлённо изгибаю бровь. Соланж же просто хихикает, показывает язык и отворачивается. Про домашних животных я знала, потому что в детстве отдавала белочку. Обычно маленькие дети упрощают своих родителей воскресить даже рыбок, но у меня таких мыслей не возникало. У меня было мнение, как у большинства взрослых некромантов. Мы уважаем жизненный цикл существ. Никого не убиваем для своих целей, берём только тех, кто ушёл сам.

Воскрешают надолго только тех животных, которые помогут в хозяйстве. Чаще всего это лошади, кошки, собаки и птицы. С воскрешенных не получить яиц, молока, мяса, крови, поэтому остались в основном только эти животные. Ещё для их поддержания нужны ресурсы. А тех, кого мы воскрешаем в университете, не держат долго в этом мире. После экзамена их сразу отпускают. Им не больно, а студенты приобретают навыки. Поэтому в ход идут все возможные виды.

После недолгих размышлений я всё равно возвращаюсь к первой фразе подруги. Я уже хочу начать расспрос, но замечаю какую-то яму. Беру Соли за руку и молча веду к ней. Интуиция меня не подвела. В глубокой яме лежат несколько кабаньих туш. На вид им примерно неделя. Скорее всего, упали и не смогли выбраться. Соланж ловит мой взгляд и кивает. Мы обе набираем воздух в лёгкие и свистим. Спустя секунд тридцать возле нас оказываются Криад и Аиша. Кобыла сразу трётся о свою хозяйку. А вот мой конь поднимает морду повыше и еле плетётся ко мне.

Я закатываю глаза, сама к нему подхожу и достаю верёвку из седельной сумки. Одну часть верёвки привязываю к его бедренной кости, а вторую беру в руку. Подвожу Криада к яме, повод передаю Соланж. А сама скатываюсь в яму. Привязываю верёвку к туше и кричу, что всё готово. Так мы вытаскиваем всех мёртвых. А потом и меня.

— Две нам нужны для практики. Останется ещё столько же. Давай кинем их чуть подальше, чтобы хищники не подходили к яме.

Пока я перетаскиваю тела, подруга отмечает место на карте. Отдадим дедушке, а он распорядится, чтобы яму засыпали. Никому не будет лучше, если кто-то ещё там застрянет. Их же даже съесть не смогут. Мы снова отпускаем лошадей погулять и морально готовимся к ритуалу. Первой говорю я.

— Мне всё не даёт покоя то, что ты сказала. С каких это пор моя самая застенчивая девушка в колледже так разговаривала с Перси Айланом? Ты что, воспользовалась моим советом не засовывать язык в одно место, когда нервничаешь?

Подруга явно засмушалась. Её щёки розовеют, и лицо закрывает руками.

— Ну да. Но пока меня хватило поговорить только на темы, связанные с учёбой. Разговорились из-за вопроса про то, где лучше искать тела для практики. Ничего серьёзного.

— И почему ты мне не рассказывала? Когда это было?

— На прошлой неделе, в пятницу. Ты торопилась искать мистера Джексона, чтобы сдать историю Куратио. Почти все же получили автомат по истории своей-то страны. Мне спешить было некуда. А ещё я подумала, что это слишком неинтересно, чтобы рассказывать.

— Ну ладно, прощаю. — немного обиженно проговариваю я. — Мне тоже есть что рассказать. Мы вчера были с ним вообще одни, представляешь? Какие же дураки наши одноклассники, раз не пришли.

Соли дует губы, поэтому я продолжаю говорить, взяв её за руку.

— Тебя это не касается. Моей принцессе можно. Да и я спасла тебя. Если что, ты была в библиотеке. Тебя наказали, потому что ты опаздывала три дня подряд на первые пары. Он поверил. Скажи спасибо, что он запомнил тебя как вечно просыпающую всё подряд.

Она закатывает глаза и легонько ухмыляется. Я знаю её почти с рождения, поэтому сразу понимаю, о чём она думает. Он запомнил её.

— Вообще никто не пришёл? Спасибо, что выгородила, Сели. Не представляю, как дотошно он будет их опрашивать.

— А ещё вчера кое-что очень странное произошло. И мне снился сон с ним.

Соланж таращится на меня и складывает руки, показывая, что готова слушать. Я пересказываю ей всё, что случилось. Показываю рану на спине. Когда дохожу до момента с той женщиной, её руки затряслись. А когда я дохожу до рассказа о ране, она едва держится, лишь бы не заплакать. Она обнимает меня, уверяя, что всё закончится хорошо.

— Ты же понимаешь, что меня уже это не беспокоит. Если бы она хотела сделать что-то плохое, то уже сделала бы. И не извинилась.

— Знаю, я себя успокаиваю. Я могла потерять тебя, если бы она разозлилась, дура. Завтра спросим в университете, кто может помочь с исцелением.

— Ну не потеряла же. Всё, хватит ныть, мне уже надоел запах гниения. Давай попрактикуемся и уйдём.

Она вытирает глаза рукавами своей кофты и пихает меня в бок. Мне немного больно, но я не подаю вида.

— Он хотя бы во сне хорошо целуется?

— Очень.

Она хмурится, собирая вокруг себя магию. Жёлтая, как солнечные лучи. Совершенно подходящая к внешности и характеру. Я знаю, что она не расстроилась, хоть ей тоже нравится Перси. У нас нет секретов друг от друга. И ругаться из-за мужчины мы не будем.

Я буду счастлива, если Перси будет в итоге с ней. И она будет рада, если он выберет меня. И мы обе уверены, что это правда. Всё зависит только от него. Да, мне немного грустно, когда я слушаю, как он оказывает знаки внимания не мне. Но это чувство сразу сменяется радостью за подругу. И в её глазах я вижу то же самое.

Я следую примеру подруги, поэтому вокруг меня появляется фиолетовый туман. Достаяю из кармана два флакона с кровью. Один открываю, а другой кидаю подруге.

— Дедуля попросил. Ты тоже этой пользуйся.

Она кивает и тоже открывает флакон.

Глава 3

Я закрываю глаза и выливаю кровь на тело кабана, она моментально впитывается в кожу. Протягиваю руки и моя магия проникает в мышцы, суставы и остывшую кровь. Она принуждает тушу открыть глаза, которые теперь светятся в цвет магии. Под моим воздействием тело встаёт. Это происходит не сразу, ноги неспешно разгибаются, неимоверно дрожа.

Я пытаюсь управлять её передвижением, но не могу. Не понимаю, как правильно. Просто представлять то, как кабан идёт — не помогает. Магия возвращается обратно в моё тело, оставляя с грохотом упавшую тушу в одиночестве. Мне удаётся лишь выдохнуть, после чего я падаю на землю и опираюсь на руки сзади. Пот проступил по всему телу, из-за чего мне становится прохладно. Соланж уже развалилась рядом и достаёт еду из своего рюкзака. Птицы, которые окружали нас, улетели, когда почувствовали нашу магию. Сейчас тишину нарушают лишь ветер и шелест листьев. Бушующую реку отсюда почти не слышно, но плескающуюся рыбу я вижу через Криада. Они в безопасности, это помогает успокоиться.

— Хоть убей, не получается у меня ими управлять. Я такая бесполезная.

— Ой, да конечно. Бесполезная она. Я даже глаза открыть им еле как могу. Я тогда кто, вообще ничтожная? — Она подходит сзади и запихивает мне в рот бутерброд. — И вообще, наша задача — оживить, управлять необязательно.

— Твоя правда, но мне не терпится научиться. Даже не просто оживлять, а воскрешать. Чтобы оставался их характер. И не говори чепуху, про тебя я бы никогда ничего такого не подумала. Я должна быть лучше, чем сейчас, чтобы дедушка мной гордился.

— Перси будет учить нас этому в следующем семестре, не драматизируй. Демиан гордится тобой и без геройств.

— А мне нужно сейчас. Мне стыдно перед ним. Он — Старейшина, а его внучка бегаёт за преподавателем истории, потому что валяла дурака на всех парах. Надо хотя бы на практических предметах показать себя.

— Ему это не нужно. Ты же знаешь, что он хочет лишь твоего счастья. А не каких-то успехов.

— Я знаю, солнце. Но мне всё равно не по себе.

Ловлю на себе пристальный взгляд голубых глаз, который цепляется за каждый сантиметр моего лица. Она явно понимает, что переживаю я не только из-за дедушки.

— Сели, я ведь всё понимаю. Не хочешь говорить вслух об этом при мне, признайся хотя бы себе.

— Да не нужно мне их признание. Они бросили меня здесь, забирая максимум на неделю. Ладно мама, она всегда жила на острове аулитов. Она ведь ангел. А отец? Хотела бы видеть их разочарованные лица, когда я родилась некромантом, а не ангелом. Фортуна оказалась не на их стороне. — Эти слова, брошенные мной, кажутся ядом, проникшим в мой организм навсегда, отравляя мозг. Соланж не проронила ни слова о них, а я сразу выплюнула это в ответ. Что это, как не подтверждение? Как раз они и есть решающий фактор, почему же я так отчаянно хочу стать лучше. Понимание этого сжимает мои рёбра и сердце мёртвой хваткой. Словно ещё чуть-чуть, и все мои внутренности будут раздавлены этой ношей.

— Видимо, фортуна всё же повернулась спиной не к ним, а ко мне. Это они живут своей счастливой жизнью с другим, правильным ребёнком. А не я.

Я встаю, отряхиваюсь, подзываю лошадей. Подруга собирает всё, что мы доставали и кладёт флаконы обратно мне в карман. Она молчит, давая мне пространство для раздумий, за что я безмерно благодарна ей. Сейчас меня гложет и чувство стыда перед ней. Она не подаёт вида, но от меня не скрылись слёзы в уголках её прекрасных глаз. Однажды мы говорили с

ней об этом, договорились больше не вспоминать об этом. Но в этот раз она смогла сдержать слёзы. Только Соли знает как мне больно от этого. А если больно мне, то больно и ей.

Мы садимся верхом и прощаемся. Я посылаю ей воздушный поцелуй и подмигиваю. Это помогает разрядить обстановку. Соланж делает вид, что ловит его и прижимает к сердцу, улыбаясь. Хотя губы её дрожат. Криад фыркает и топаёт ногой, расставаясь с Аишей. Мы разъезжаемся в разные стороны, и мой конь несёт меня галопом. Он мог выбрать обычные тропинки, но решает, что хочет попрыгать. Мне остаётся лишь перемещать вес тела. Не знаю, нужно ли это ему, учитывая, что он скелет. Но мне так привычнее. Усталости он не чувствует, а бегать и прыгать он всегда любил. Мы возвращаемся довольно быстро, я расседываю его и оставляю в леваде. Он сразу бежит к маленькому пруду в углу. А я плетусь в дом, чтобы подготовиться к Совету.

Другие расы почему-то думают, что мы, некроманты, любим тревожить ушедших, да ещё всегда по ночам. Не знаю, откуда они такому понабрались. Все, кого я знаю, обожают подольше поспать по ночам. Только собрания обычно проводят поздно. Ну а как ещё? У советников есть работа и семьи. А сами мероприятия проходят быстро. Всегда говорим только по делу. А балахоны свои надеваем только когда есть гости. Стесняемся, ничего не поделать.

Я надеваю свою любимую фиолетовую свободную футболку. В лес я не могла надеть что-то настолько открытое из-за растительности, раздражающей кожу. Но на улице настолько жарко, что я просто не выдержу ещё несколько часов в том, во что одета сейчас.

Время ещё есть, поэтому непринуждённо сажусь за учебник по воскрешению. Я не пропустила ни одной пары и была на консультации, поэтому уверена, что ко мне мистер Перси не будет строг. Ну, как минимум в теории. Практика для всех пройдёт одинаково. Кстати, это ещё одна причина, почему в моём сердце поселились тёплые чувства к этому мужчине. Ходить на его занятия интересно далеко не из-за его внешности. Давно у нас не было преподавателя, который настолько сильно любит свой предмет. То, как горят его глаза, когда он рассказывает нам новый материал, заставляет восхищаться.

Я одёргиваю себя, когда понимаю, что держу карандаш зубами и накручиваю локон волос. Откладываю всё, но думать о наставнике не перестаю. Ещё лучше наблюдать за его искренней радостью, когда у группы получается то, чему он нас учит.

Сию улыбаюсь как глупая девчушка, а надо бы теорию повторять. Всё. Я выкидываю из головы его улыбку и принимаюсь читать. Что-то сложное он меня не спросит, но я хочу всё это знать. В голове мелькает мысль о родителях, но её сразу же запикиваю в самый далёкий уголок сознания. Есть куда более приятная мысль, для чего я делаю всё это.

Дедушка так старается для меня, но единственное, что я сейчас могу для него сделать — учиться. И не дебоширить, но в этом я, конечно, не особо делаю успехи. Нет, если все в колледже перестанут меня постоянно попрекать, что я очень глупа для внучки Старейшины, то я перестану грубить людям. Наверное.

Так пролетает несколько часов погружённого изучения учебника. Я даже нахожу в домашней библиотеке книги с информацией для старших курсов. Конспектирую и её тоже. Мне так лучше запоминается.

Я откидываюсь на спинку стула и вытягиваю руки вверх, разминая суставы. Надо ещё после экзамена попросить Соланж тренироваться со мной до начала учебного года. Нам поставят обязательные тренировки по бою. А в нынешней форме я даже разминку могу не потянуть.

Дедулин кондор залетает в окно, а это значит, что можно идти в Храм Смерти. Я закрываю за ним окно, беру рюкзак и иду на место собрания. Все уже разошлись по домам, поэтому дорогу мне подсвечивает луна и рассеянное свечение из соседских окон. Передо мной пробегает чёрная кошка, чертя линию там, куда я собиралась идти. Я улыбаюсь и теперь шагаю увереннее. К счастью.

Глава 4

Я подхожу к нужному строению и на секунду останавливаюсь, чтобы перевести дух. Передо мной возвышается высокое здание из белого камня. Повсюду выстроились костяные статуи. С левой стороны они расположены так, будто ты смотришь спектакль про жизненный цикл. Предпоследний этап — общение души с некромантом, а последний — душа стоит у врат в лучший мир. Мы знаем, что некоторые попадают туда сразу, пока другие отбывают наказание далеко под землёй. Но каждая душа в итоге оказывается в мире грёз. Со спокойным сердцем.

С правой стороны располагаются чучела животных, веками помогающих некромантам. Лошади возят на своих спинах, птицы передают послания, собаки защищают от диких животных, а кошки избавляют от грызунов.

Я иду по дороге из мориона, протягиваю руку и открываю дверь. Моё лицо мягко подсвечивают чёрные восковые свечи. Пахнет в Храме как я и запомнила с детства. Ладан, пыль и известь. Каждый сантиметр стен и потолка закрывают кости. В основном используют черепа людей. Но ближе к полу можно разглядеть немного животных костей. Посередине располагается алтарь, на котором возвышается статуя. Маленькая белоснежная девочка обнимает некроманта в чёрном плаще. Он стоит на коленях, по щекам катятся слёзы. Множество чёрных рук тянут его в пропасть, но некроманта заботит лишь она.

Та девочка — олицетворение Богини Смерти. Она видит, как простого смертного тянут вниз его сожаления, но не поможет ему. Не станет поднимать вверх, не станет отрубать руки, вцепившиеся в того смертельной хваткой. Она просто не отпустит его. Будет ждать, пока он сможет сам от них избавиться. Даже если это займёт сотни лет, ни за что не вмешается. А когда его сердце очистится, она проведёт его наверх, в лучший мир.

Я поклоняюсь статуе и иду дальше, стараясь думать только о сегодняшнем деле. Дедушка Демиан и другие советники уже что-то обсуждают. Значит, не мне надо всё объяснять. Слава богине. Здравуюсь со всеми и сажусь на скамейку. Интересно, сейчас советники те же, что играли со мной в детстве? Никогда их не могла различать. Как по мне, все они на одно лицо. Одинаково седые, морщинистые и с короткими бородами.

— Демиан, может тебе стоит просто отдохнуть. Ну не может такое быть, что ты её почувствовал. Ты столько времени уже Старейшина, может, стоит тебе уйти на пенсию? Я уверен, что тебе показалось.

Я закатываю глаза. Чёртов Жак думает, что его изберут следующим старейшиной? Столько лет, а манерами и умом не блещет. Да он даже хуже меня. Единственное, что он умеет — общаться с душами за гранью. В этом он лучше всех, как ни прискорбно этого признавать. Если не быть осторожным, когда сам зовёшь душу, она может потеряться на обратном пути и будет страдать, ведь ей больше не помогут. Даже некроманты. Одинокое скитание между мирами на век. А ещё можно нечаянно и разорвать душу в клочья. Несомненно, его блестящие навыки в этом сильно помогают. Но он абсолютно не умеет руководить людьми. Для начала, мог бы научиться собой руководить.

Раньше я злилась, что он постоянно хочет вытеснить дедушку. Но он лишь смеется на такие заявления Жака. Поэтому и мне не стоит беспокоиться. Тем более, что остальные точно не захотят выбирать его на место Старейшины. Они хоть и старые, но с мозгами всё у них в порядке.

Я выхожу в центр, собирая озадаченные взгляды. Они кривят лица, чем дают понять мне простую истину. Они даже не заметили, как я вошла. И это им совершенно не нравится. Один только дедушка улыбается мне уголками губ.

— Селена, а ты что здесь делаешь? — Вскрикивает Жак. Не знаю чем ему насолила, но меня он на дух не переваривает. Впрочем, чего стесняться. Все остальные с ним солидарны. — Я тебя не звал на собрание.

О, богиня, он даже палец вверх поднял. Я прикрываю рот рукой и прилагаю уйму усилий, чтобы не засмеяться прямо ему в лицо. Спустя секунду, выражение моего лица становится резким и серьёзным. Окружающие меня люди сразу напрягаются. Возможно, они первый раз видят меня не с инфантильной стороны.

— Здравствуйте, уважаемые члены совета. — Я кланяюсь. — Здравствуйте, Жак. Ваше одобрение мне неинтересно. Я закрою глаза на произнесённое вами на этот раз, но не стоит забывать, где ваше место. За мной всё ещё осталось право преемственности, вдруг я передумаю отказываться от него? Не зазнавайтесь.

Мой голос звучит спокойно и чётко, раскатываясь по стенам. А вот Жак настолько зол, что каждая вена на его лице вздулась, глаза покраснели, но решил промолчать. Остальные опустили глаза в пол. Только глаза дедушки заблестели надеждой.

Разумеется, они все забыли, кто я такая. Всю жизнь мне было всё равно, я не хотела обременять себя такой ответственностью. Но сейчас, когда он перешёл черту, совесть не позволила оставить их без наказания. Заявлять, что он кого-то не звал на собрание. Что за наглость? Старейшина и кровный преемник перед его безобразным лицом. А он заявляет, что он главный? Мерзость.

— Я присутствую сейчас здесь, так как у меня тоже есть что сказать об этом инциденте. Дедушка, вы слишком добры. Им не стоит забывать, что они лишь безродные щенки по сравнению с тобой.

Я выдыхаю и рассказываю всё, что происходило в тот день. И про сон с раной на спине тоже. Все участники не смеют меня перебивать, после моей речи. Я заканчиваю, поэтому теперь они энергично перешёптываются, а я неспешно двигаюсь к выходу. Не хочу отвлекать дедушку. После рассказа о сне, он не может отвести от меня своего печального взгляда. Все серьёзно отнеслись к информации, даже Жак, как ни странно, перестал спихивать всё на фантазии.

Но, как только я начала разворачиваться, чувствую Окулус у своей ноги. Она показывает нам её. Главную виновницу сегодняшнего сбора. Эвелину Рэйн. Вначале она приняла вид ребёнка. С рогами и крыльями. Аулит. Краем уха я слышу, что советники уже выдвигают свои версии. Самая логичная — Эвелина Рэйн аулит с каким-то даром, позволившим провернуть всё это. Но Окулус не даёт нам думать. Просто показывает правду. Из рук туманной женщины, полностью окутанной тёмно-красной аурой, вытекает дым того же цвета. Вероятно, это была её магия. Аулиты — общее название ангелов и демонов, но понять кто конкретно тоже можно. По форме рогов и крыльев, она демон. Из магии появляются кольцо и ожерелье.

Значит, она артефактор. Версия с даром отменяется. У аулитов может быть один дар. Теперь у девушки растёт живот. Беременность. Её магия проникает в ребёнка. Она падает на колени и руками вырывает свои крылья, потом делает то же самое с рогами. Всех присутствующих передёргивает. Это должно быть невыносимо больно. Она буквально лишает себя конечностей. И она делает это ради ребёнка?

— Я не силён в других расах, но, если вырвать рога и крылья, разве они не теряют магию? Но как тогда у неё появилась такая власть в том мире? Демриан же упоминал, что она и при жизни обладала сокрушительными силами. Один из наших видел её один раз. Даже я запомнил его рассказ о ней. — говорит один из советников, имени которого я не помню.

Теперь туман показывает нам, как девушка ложится в гроб. И почему-то она делает это сама. Её душа поднимается наверх. Туда, где её ждёт погибшая магия.

Я и советники одновременно ахаем. Первым нарушить тишину собрался дедушка.

— Как все уже поняли, она убила свою магию. И каким-то образом душа этой магии упокоилась. После смерти хозяйки воссоединилась с ней.

Я смотрю на свои руки, на которых проступают мурашки.

— Разве у магии может быть душа?

— Эта женщина в принципе одно сплошное исключение.

Спустя ещё 20 минут обсуждений мне снова стало слишком скучно, поэтому на этот раз, я правда иду домой. Старики взволнованы и ищут другие объяснения. Хотя Окулус уже подтвердила слова дедули. Она может общаться с душами без каких-либо проблем. Никто не знает, что такое Окулус, и почему она десятки поколений служит каждому Старейшине. Но одно мы знаем точно. Она никогда не врёт.

Дома я заваливаюсь на кровать. Да, на живот. По-другому я бы тут уже шипела от боли. Заранее взяла с собой учебник и поставила свечу на тумбочку. Снова повторяю весь материал. Так и удаётся заснуть с конспектами на лице.

Утром меня снова будит окулус. Она облизывает мне лицо. Забавная зверюшка. Сама она — туман, а вес и ощущения от прикосновений ничем не отличаются от реальной кошки. Хорошо хоть слюну не оставляет. Я быстро одеваюсь во что попало, сую в рюкзак тетради, учебник и зачётку. Пробегая около кухни, хватаю яблоко, надкусываю его и подхожу к Криаду. Флаконы с кровью с собой я не брала, поэтому достаю свой стилет, режу тыльную сторону ладони.

Конь топаёт передней ногой и поворачивается ко мне крупом. Мои глаза закатываются, и я через протесты мажу свою кровь на его череп. Эта благородная зверушка не любит, когда я кормлю его так. Либо моя кровь невкусная, либо он просто не хочет, чтобы я себя ранила. На счёт первого я сильно сомневаюсь, так как другие животные никогда не отказывались от неё.

Быстро седлаю его, и мы несёмся в академию. Как только вижу конюха, спрыгиваю с Криада на ходу, машу работнику, имени которого, к сожалению, я тоже не могу вспомнить. Он смущенно машет в ответ и бежит за Криадом, который носится по всей академической конюшне, ища Аишу.

Я бегу по лестнице, смотрю на часы и шумно выдыхаю. У меня ещё 10 минут. Не опаздываю. Подходя к кабинету, где будет проходить экзамен по воскрешению, слышу цоканье каблучков. Сразу понимаю, кого сейчас увижу и ухмылка застывает на моём лице.

Соланж улавливает мой взгляд и начинает вертеть бёдрами. Хихикает и за миг её мило-видное личико становится напряжённым.

— Как я тебе? Только честно.

Мой внимательный взгляд бежит по ней с ног до головы. Её светлые волосы лежат лёгкой волной на плечах. Ресницы аккуратно подкрашены тушью, а на губах сверкает блеск. Одета она в лёгкое нежно-розовое платье без рукавов, доходящее лишь до колен.

Я не могу оторвать от неё взгляд, настолько она обворожительна. В глазах у неё отчётливо различаю надежду и влюблённый блеск. Эта куколка всерьёз хочет закадрить нашего Перси. Но вишенка на торте — внутри она ещё красивее.

— Ты замечательна, солнышко. Жаль только, что твоё светлое платьице скоро будет испачкано кровушкой самой красивой девушки.

Я хмыкаю и щипаю её за бок. Подруга легонько ойкает и дует губки.

— Кто сказал, что я замараюсь?

Я делаю вид, что думаю и протягиваю слова, будто расплавленный сыр.

— Нууу, наверное, потому что знаю тебя всю жизнь.

Она закатывает глаза и заходит в кабинет, придерживая дверь для меня.

Соли торопливо садится на первый ряд и здоровается с преподавателем, теребя кольцо.

А вот я не выпалась и энергичности подруги не разделяю. Здравуюсь, плетясь перед кафедрой. Мистер Перси медленно поднимает глаза и взгляд его не выражает ничего, кроме усталости.

Но он всё равно выдавливает улыбку и здоровается со мной. А потом его взор падает на Соланж. Может мне показалось, но вид его стал не таким замученным, как раньше.

— И вам здравствуйте, Соланж. Надеюсь, Селена рассказала вам то, что было на консультации. И вы не сильно скучали в библиотеке.

Голос его остаётся ровным, но в глазах появился весёлый блеск. Значит, не показалось.

По телу разливается тепло, и я пытаюсь не захлопать в ладоши от счастья. Сажусь рядом с подругой и беру её руку в свою, пока она не разодрала её в конец.

— Селена все пересказала. В библиотеке было не очень скучно. Спасибо за беспокойство.

Её сердце бьётся так быстро и громко, что меня накрывает переживанием. Перси отводит взгляд и начинает отчитывать всех остальных из-за пропущенной консультации, пока я успокаиваю Соли.

Рассказываю ей о своих наблюдениях о перемене настроения Перси. Подруга хочет записать, но я успеваю закрыть ей рот. Преподаватель как раз смотрел в нашу сторону. Прикрыл рот рукой, но даже так видно, что он смеётся. Нет, ну каков наглец! Соланж тоже хороша, даже не заметила этого и теперь не верит мне.

Спустя несколько минут в аудиторию заходит Эстрия. Длинноногая шатенка с изумрудными глазами. Красивая, но с отвратительным характером. Я бы не расстроилась, потеряйся она между мирами.

Она молча проходит, нарушая тишину мерным стуком, и садится рядом с нами. Даже не догадываюсь почему, она не влюбила Соланж с самого первого дня, как увидела её. И почти никогда не обходится без колкостей. Как и сейчас.

— О, здравствуй, Соланж. Госпожа берлоги на этот раз не опоздала.

Ещё и мерзко посмеивается. Соли вообще на неё внимания не обращает никогда, а вот я стискиваю зубы от злости и еле держусь, чтоб не выдернуть со скальпом её волосы. Чаше всего моё солнце просит ей ничего не отвечать, но после всех произошедших недавно событий, я не могу сдержаться. Это уже перешло последний порог моего терпения. Я не хочу этого терпеть. Да и Соланж в этот раз явно расстроилась.

Я то знаю, что это из-за Перси. Сам по себе этот шрам не волнует её. А вот что о нём думает объект её обожания... Я тоже могу задеть Эстрию за больное. Почему ей можно, а мне нет?

— И тебе привет, кукушонок. Бесишься, что Соли даже медведи любят, в отличие от некоторых?

Если бы я заранее знала, какую реакцию это вызовет, то ещё давно бы так сделала. Её бросила мама в детдоме, как только родила. И приёмная семья тоже не особо любит. У них родился собственный ребёнок спустя год, как взяли маленькую Эстрию. Она стала им не нужна, а не отдали обратно, боясь реакции общества.

Лицо Эстрии перекашивает, будто ей приходится пережёвывать 3 лимона одновременно. Она встаёт со своего места и заносит руку над моим лицом. Сильно же её это задело. Я лишь ухмыляюсь, когда рука шатенки начинает ко мне приближаться. И тут на всю аудиторию проносится раздражённое «хватит» от Перси.

— Студентка Эстрия, если вы сейчас же не прекратите, я буду вынужден отстранить вас от экзамена. А с учётом ваших успехов в учёбе, оставляю вас на второй год.

— Это нечестно, поведение Селены просто возмутительно, почему вы ей не угрожаете? Это она перегибает палку, а не я.

Перси ударяет кулаком по столу и продолжает говорить жёстко, с нажимом, почти переходя на крик.

— Во-первых я вам не угрожаю. У меня есть полное право отправить вас сейчас на передачу. Во-вторых вы первая начали, мисс Анри. Лучше бы вы так бурно обсуждали не Соланж, а свои задолженности на консультации. Хотя, погодите, вы же не пришли на неё. Быстро пересели в конец аудитории. Будете последней на экзамене.

Глаза гадины увлажняются, а руки трясутся. В аудитории образовывается гробовая тишина. Она нарушается только спустя полминуты, которая казалась вечностью. Это провинившаяся идет на новое место. Сегодня все узнали, что мистер Перси в принципе может разозлиться.

Он выдыхает спустя ещё минуту и трёт виски.

— Готовимся к экзамену. Начнём через 5 минут. Первая сдаёт Селена, вторая Соланж. Потом по списку.

По залу проносятся возражения.

— Они были на консультации, в отличие от вас всех. Подождёте подольше, ничего страшного. И ещё, Селена, у меня к вам будет разговор. Напомните, когда я выставлю вам оценку.

Я киваю, хоть и не очень рада. Явно будет говорить, что я должна была промолчать и бла бла бла. Но извиняться я перед ней не собираюсь, даже если он будет настаивать.

Я смотрю назад, где на последнем ряду плачет Эстрия, пихаю Соли, витающую в своих мыслях, показываю и улыбаюсь.

— Вон как задело её, так ей и надо.

— Эй, Сели, нельзя так. Мне её как-то жалко.

— А мне нет. — Я пожимаю плечами. — Эта стерва тебя расстроила. Пусть захлёбывается в слезах. Ни единого плохого действия и слова ей не сказала, а она себя так ведёт. Заслужила. А ты слишком добрая ко всем, может нас перепутали в роддоме? Слишком уж ты на дедушку Демиана похожа.

Она молчит, но по её мимике вижу, что не разделяет мою точку зрения.

— Я пошла, готовься и ты.

— Удачи, верю в тебя.

Чувствую её нежные губы на своём лбу. Для нас это уже стало традицией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.